

Лина Вей

Румпельштильцхен

18+

Лина Вей

РУМПЕЛЬШТИЛЬЦХЕН

«Автор»

2026

Вей Л.

РУМПЕЛЬШТИЛЬЦХЕН / Л. Вей — «Автор», 2026

На глубине семнадцати метров, в вечной мерзлоте сибирской тайги, буровая установка упирается во что-то, что не похоже на камень. Маша — гляциолог, привыкшая к холоду и тишине, — поднимает на поверхность маленькую фигурку, завёрнутую в кожу. Каменная, ледяная на ощупь, с мимикой, которая меняется. Трещина на лице растёт. Однажды ночью фигурка лопается, и в лаборатории появляется он — маленький, знающий о вас то, чего не знает никто. Он называет себя Румпельштильцхен. Он исполняет желания. Маша, вдова, потерявшая мужа в тайге год назад, говорит два слова: «Верни его». Марк возвращается — живой, с бьющимся сердцем. Но цена сделки — семь дней, после которых Румпельштильцхен придёт за её пятилетним сыном. Чтобы прогнать его, нужно назвать настоящее имя — на языке, которого почти никто не помнит. Сказать в лицо. Не отвести взгляд. Но имя тоже имеет цену: если Румпельштильцхен уйдёт, Марк исчезнет.

© Вей Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мерзлота	5
Глава 2. Изъятие	7
Глава 3. Кожа	10
Глава 4. Сон	13
Глава 5. Раскол	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лина Вей

РУМПЕЛЬШТИЛЬЦХЕН

Глава 1. Мерзлота

Ветер тут не просто дул — он будто нарочно искал щели в одежде, пробирался под куртку, хватал за запястья ледяными пальцами. Маша плотнее натянула капюшон и поправила очки, запотели от горячего дыхания. Вокруг — только снег, буровая установка да низкий модуль станции, похожий на приземистого серого жука, выросшего в тундру.

Внутри пахло старым пластиком и крепким кофе — запах, который Маша уже не отличала от запаха дома. На столе мигал монитор, рядом лежала наполовину съеденная плитка шоколада — её личный ритуал: «если есть шоколад, день ещё можно спасти».

— Ну, давай, давай, — тихо шептала Маша, глядя на экран. Бур шёл ровно, отсчитывая метры, как будто просто протыкал время. Семнадцать. Ещё чуть-чуть. И вдруг — рывок. Бур дёрнулся, будто наткнулся на что-то упрямое, и замер.

Маша нахмурилась, постучала по клавише, проверяя показания.

— Костя! — крикнула она, не оборачиваясь. — У нас стопор.

Костя вошёл, стряхивая снег с ботинок. Он всегда так делал — методично, будто считал, что если не стряхнуть снег, тот проберётся внутрь и всё испортит. В руках он держал термос.

— Опять камень? — спросил он, ставя термос на стол. — Или опять эта штука, которая звенит, а потом оказывается просто железом?

— Не камень, — Маша кивнула на экран. — Слишком правильная форма. Как будто кто-то специально... упаковал.

Костя подошёл ближе, прищурился.

— Упаковал? В мерзлоте?

— Смотри. — Маша запустила запись с камеры, которую опустила вниз по скважине. Изображение было мутным, зернистым, будто смотрела сквозь запотевшее стекло. Но очертания проступали: скрюченное, маленькое, с ручками, ножками. Лицо — или то, что его напоминало — застыло в гримасе, будто его замуровали заживо.

— Жуть, — пробормотал Костя. — Может, останки животного?

Маша покачала головой.

— Форма не та. Слишком... человеческая.

Костя хмыкнул, но в голосе уже не было прежней уверенности.

— Человеческая? Да тут с ледникового периода ничего не могло остаться.

— А если не с ледникового? — тихо сказала Маша. — Если... позже?

Она снова посмотрела на экран. Фигурка будто смотрела прямо в камеру — даже сквозь муть, сквозь лёд. Маша передёрнула плечами.

— Надо достать, — сказала она твёрже, чем чувствовала. — Аккуратно. И кожу, в которую она завернута, — на анализ.

Костя вздохнул, потёр ладони друг о друга, будто пытался согреть не руки, а мысли.

— Знаешь, дед мой говорил: если в мерзлоте что-то «слишком правильное» — лучше засыпать и уйти.

Маша усмехнулась, но улыбка вышла натянутой.

— Дед твой был мудрым человеком, — сказала она. — Но я гляциолог, а не суеверный. Если это артефакт — мы должны его изучить.

Костя посмотрел на неё, потом снова на экран.

— Ладно, — наконец сказал он. — Но если эта штука начнёт шевелиться — я первый кричу «бежим».

Маша рассмеялась — коротко, нервно.

— Договорились.

Она нажала кнопку, запуская медленный подъём. Лёд крошился, шуршал, будто шептал что-то неразборчивое. И когда фигурка показалась — маленькая, тяжёлая, зеленовато-серая, с вкраплениями чего-то металлического, — Маша вдруг почувствовала, как по спине пробежал не ветер, а что-то другое. Холод, который не имел отношения к температуре.

— Тяжёлая, — пробормотала она, принимая находку в перчатки. — Как будто не камень.

Костя молча кивнул, взял термос, открыл крышку и налил кофе. Добавил туда две ложки сахара — как Маша любила.

— Держи, — сказал он. — Тебе сейчас точно надо.

Маша взяла кружку, вдохнула пар. Он пах домом, теплом, нормальной жизнью — всем тем, что, казалось, осталось где-то очень далеко.

— Спасибо, — прошептала она. — И... знаешь, если дед твой что-то говорил про «засыпать и уйти»... может, мы просто сначала сфотографируем?

Костя усмехнулся, но в глазах мелькнуло облегчение.

— Фотографируй, — сказал он. — А я пока поставлю генератор на резерв. На всякий случай.

Маша кивнула, достала фотоаппарат, щёлкнула один раз, второй. На экране — фигурка, неподвижная, но будто ждущая.

И в этот момент ей показалось, что пальцы фигурки чуть шевельнулись.

Но, конечно, это был просто лёд. Просто игра света.

Просто холод, который забирался под кожу и шептал: «Ты не должна была этого трогать».

Глава 2. Изъятие

Лаборатория пахла спиртом и старым деревом — модуль был старый, из тех, что ставили ещё в девяностые, и доски будто хранили в себе запахи всех зим, что повидали. В центре стола лежала находка, накрытая полупрозрачной плёнкой, как будто от неё ждали подвоха и хотели хоть немного его отсрочить.

Маша стояла рядом, в перчатках, но пальцы всё равно мерзли — не от холода, а от какого-то внутреннего напряжения. Костя ходил вокруг стола, как кот вокруг миски: хотел потрогать, но боялся.

— Ты уверена, что надо снимать? — спросил он, косясь на плёнку. — Может, сначала рентген? Или хотя бы ультрафиолет?

— Надо, — твёрдо сказала Маша, хотя внутри всё поджималось. — Если это артефакт — мы должны зафиксировать состояние «до». А если... ну, не артефакт, тогда тем более.

Костя хмыкнул.

— Логично. Но если она сейчас моргнёт — я не отвечаю за свои крики.

Маша улыбнулась, но пальцы чуть дрогнули, когда она потянулась к плёнке. Стянула её аккуратно, будто снимала одеяло с кого-то спящего.

Фигурка лежала на столе, маленькая — ровно с ладонь, не больше. Но тяжёлая, будто внутри у неё было что-то плотное, чужое. Зеленоватосерая, с вкраплениями металла — не ржавчина, а именно вкрапления, будто кто-то специально замешал в камень стружку. Поверхность была шершавой, но местами гладкой, словно её долго тёрли руками.

А ещё она была ледяной. Даже в тёплой лаборатории, даже через перчатки холод пробирался до костей.

— Ну вот, — пробормотал Костя, наклоняясь, но не касаясь. — Выглядит так, будто её только что вытащили из морозилки. А не из семнадцати метров мерзлоты.

Маша кивнула, достала фотоаппарат, щёлкнула раз, второй, третий. Потом взяла лупу, медленно провела по поверхности.

— Смотри, — она показала Косте. — Вот эти бороздки. Не похоже на природную эрозию. Слишком ровные. Как будто... резьба.

Костя прищурился.

— Или царапины. От когтей.

Маша бросила на него быстрый взгляд.

— Не надо. У меня и так мурашки по спине бегают.

Он поднял руки, будто сдавался.

— Прости. Нервы.

Они аккуратно размотали кожу — она была выделанной, мягкой, но жёсткой по краям, будто долго лежала во льду. Маша свернула её в отдельный пакет, подписала маркером: «Кожа. Без повреждений», и положила в контейнер для отправки в город.

— Завтра отправим, — сказала она. — Пусть в институте посмотрят. Радиоуглерод, волокна, всё.

Костя кивнул, почесал щёку, где уже пробивалась щетина.

— Знаешь, — тихо сказал он, — дед бы сейчас сказал: «Брось это в огонь и забудь».

— Мы не в сказке, — так же тихо ответила Маша. — Мы учёные.

— Иногда сказки умнее науки, — буркнул Костя, но без злости. Просто как факт, который неприятно признавать.

Маша ещё раз щёлкнула фотоаппаратом — на этот раз крупным планом. Фигурка лежала неподвижно, но в кадре казалась живой. Будто вот-вот шевельнёт пальцами.

— Ладно, — Маша выдохнула. — Убираем в контейнер. Герметичный. И ставим в холодильник, но не в морозилку. Пусть будет при плюс четырёх.

Костя помог ей уложить фигурку в пластиковый бокс, защёлкнуть крышку. Маша проверила трижды — плотно ли, нет ли щелей. Потом поставила бокс в холодильник, закрыла дверь.

— Готово, — сказала она, будто убеждая себя. — Теперь — отчёт. И кофе. Много кофе. Костя усмехнулся.

— Я сварю. Ты фоткай.

Пока он гремел кружками и зёрнами в кофемолке, Маша села за компьютер, открыла папку с фотографиями. Перелистывала кадры один за другим: общий план, крупный, текстура, профиль. Всё выглядело нормально. До тех пор, пока она не дошла до двух снимков подряд — тех, что сделала буквально с разницей в десять секунд.

На первом фигурка лежала, пальцы чуть поджаты, как у спящего ребёнка.

На втором — пальцы были чуть разведены. Не сильно. Но заметно.

Маша замерла. Приблизила. Покрутила яркость, контраст. Нет, это не блик. Не тень. Пальцы действительно в другом положении.

Она моргнула, потёрла глаза.

«Усталость, — подумала она. Или я случайно сдвинула стол, когда меняла ракурс».

Но стол не двигался. Она помнила — стояла неподвижно, только руку тянула к кнопке затвора.

— Всё? — Костя поставил перед ней кружку. Над паром вился лёгкий аромат корицы — он всегда добавлял щепотку, «чтобы жизнь казалась чуть слаще».

Маша вздрогнула, будто её поймали за чем-то запретным.

— Да, — быстро сказала она, сворачивая фото. — Почти. Ещё пара кадров, и всё.

Костя сел напротив, подул на свой кофе.

— Ты какая-то... дёрганая.

— Просто устала, — улыбнулась Маша. — Тут тишина давит. Знаешь, когда вокруг только снег и ветер, любой шорох кажется криком.

Костя кивнул, будто понял.

— Это да. Тут даже чайник свистит, как сирена.

Они посидели молча, пили кофе. За окном темнело — короткий зимний день съедался быстро, и небо становилось тяжёлым, фиолетовым. В лаборатории трещал радиатор, где-то капала вода — обычные звуки, которые вдруг казались слишком громкими.

Когда Костя ушёл проверять генератор, Маша снова открыла фото. Ещё раз посмотрела на два кадра. Пальцы. Положение. Разница.

Потом закрыла ноутбук, будто прятала что-то постыдное.

«Просто усталость, — повторила она про себя. — Просто свет. Просто мне хочется, чтобы это было чем-то большим, потому что иначе это просто камень, и день прошёл зря».

Она встала, проверила холодильник — контейнер стоял ровно, крышка на месте. Потрогала стекло — холодное, но обычное.

— Спокойной ночи, — тихо сказала она, будто обращаясь к содержимому. — Ничего не делай до утра.

И вышла, выключив свет.

Ночью Маша не спала долго. Ворочалась, слушала, как ветер бьётся в стены, как скрипит металл. Ей казалось, что из лаборатории доносится тихий звук — не капанье, не треск, а что-то другое. Будто кто-то осторожно двигает пальцами по пластику.

Но когда она встала, надела куртку и заглянула в лабораторию — там было тихо. Темно. Контейнер стоял на месте. Крышка — защёлкнута.

Маша постояла минуту, потом закрыла дверь.

«Завтра отправлю кожу, — подумала она. — Завтра всё станет проще. Когда будут цифры, даты, факты — всё встанет на свои места».

Она вернулась в комнату, легла, натянула одеяло до подбородка. И почти сразу уснула — крепко, без снов, как будто сама природа мерзлоты забрала у неё даже мысли.

А в холодильнике, в герметичном контейнере, фигурка лежала неподвижно.

Или ей так казалось.

Глава 3. Кожа

Утро началось с того, что Костя постучал в дверь трижды, потом ещё раз — как будто проверял, живая ли она там.

— Маша! — голос у него был бодрый, но с хрипотцой, как у человека, который слишком долго дышал морозным воздухом. — Почта пришла. Ну, то есть не почта, а файл. Из института.

Маша села на кровати, потянулась, зевнула так, что в ушах щёлкнуло. За окном всё тот же снег, всё та же тишина, будто мир накрыли ватным одеялом. На тумбочке остывал вчерашний чай — она любила пить его из кружки с надписью «Я выживу, потому что у меня есть кофе», хотя сейчас там был чай.

— Иду, — крикнула она, натягивая свитер. Шерсть кололась, но это было приятное, знакомое покалывание — как напоминание, что ты живой.

В лаборатории пахло спиртом и чем-то сладким — Костя, видимо, опять положил в кофе сгущёнку. Он сидел за компьютером, тыкал пальцем в экран, будто хотел проткнуть его насквозь.

— Смотри, — сказал он, не поднимая головы. — Кожа. Радиоуглерод.

Маша подошла, встала у него за плечом. На экране был отчёт: сухие цифры, графики, кривые. Она пробежала глазами по строчкам, пока взгляд не зацепился за главное.

— 1940–1950-е? — переспросила она, будто хотела услышать это ещё раз, чтобы поверить. — Не древняя?

Костя кивнул, повернул к ней лицо — глаза у него были серьёзные, без шуток.

— Совсем не древняя. По меркам мерзлоты — это буквально вчера. Кто-то взял эту фигурку, аккуратно завернул в кожу — хорошую, выделанную, не какую-нибудь случайную тряпку — и специально вмёрз её на глубине семнадцати метров. Туда она сама не упала. Её положили.

Маша медленно опустилась на стул. Тот скрипнул, привычно, по-домашнему.

— То есть это не случайность, — прошептала она. — Это... захоронение. Или запечатывание.

Костя пожал плечами, но плечи у него были напряжённые, не расслабленные.

— Или и то, и другое. Знаешь, как в сказках: «запечатать зло, чтобы не вырвалось». Только тут не сказка. Тут реальные люди. В середине прошлого века.

Маша вдруг почувствовала, как по спине пробежал холодок, не от мороза, а от чего-то другого — от понимания, что они тронули не просто артефакт, а чью-то отчаянную попытку что-то остановить.

— Надо позвонить в институт, — сказала она, скорее чтобы сказать хоть что-то обычное, нормальное. — Уточнить методику. Может, ошибка.

— Может, — спокойно согласился Костя. — Но я бы не надеялся. У них там хорошие приборы.

Маша кивнула, встала. Подошла к телефону — старому, с диском, который ещё работал благодаря какой-то инженерной магии и упрямству. Пальцы сами собой потянулись к набору.

Она хотела набрать номер института. А набрала номер Марка.

Старый номер. Тот, который знала наизусть.

Гудки шли, длинные, тягучие, как будто телефон звонил не в город, а куда-то в прошлое. И только на третьем гудке Маша вдруг замерла. Поняла. Осознала.

Марк мёртв.

Старая привычка — звонить ему, когда нужно было просто услышать знакомый голос, когда становилось не по себе. Когда хотелось, чтобы кто-то сказал: «Всё нормально, ты просто устала».

Она медленно опустила трубку. Звук щелчка прозвучал в тишине лаборатории слишком громко, как выстрел.

Костя ничего не сказал. Просто подвинул к ней кружку. В ней был кофе, горячий, с той самой шепоткой корицы.

— Прости, — тихо сказала Маша, не глядя на него. — Просто... рука сама.

— Ничего, — так же тихо ответил Костя. — У меня дед, когда волновался, всё время звал бабушку. Хотя она умерла за десять лет до этого. Говорил: «Голос её помню, а лицо уже стирается. Вот и зову, чтобы не забыть».

Маша посмотрела на него. Впервые за утро по-настоящему посмотрела. И вдруг почувствовала, что не одна.

— Спасибо, — сказала она. Взяла кружку, сделала глоток. Кофе обжёг язык, но это было хорошо — остро, реально, здесь и сейчас.

Они помолчали. За стеной гудел генератор — ровный, низкий звук, который обычно Маша вообще не замечала. Но сегодня он вдруг показался ей странным. Будто в этом гудении пряталось слово. Что-то вроде «жди» или «беги», или вообще ничего — просто воображение, которое цеплялось за любой шум, чтобы не оставаться в тишине.

— Слушай, — вдруг сказала Маша, — а ты никогда не замечал, что генератор иногда... поёт?

Костя усмехнулся, но в глазах не было насмешки.

— Это не поёт, — сказал он. — Это у него подшипник гудит. Надо смазать. Сегодня и смажу.

Он встал, взял маслёнку, пошёл к двери. Уже на пороге обернулся.

— А ты пока... не придумывай слов в шуме, ладно? Если надо — я тут. Или можем вообще про что угодно поговорить. Про рыбалку. Про футбол. Про то, какой творог вкуснее — зернистый или мягкий.

Маша улыбнулась. Слабо, но искренне.

— Давай про творог, — сказала она. — Пусть будет что-то простое.

Костя кивнул.

— Зернистый, — твёрдо сказал он. — В нём характер есть.

И вышел.

Оставшись одна, Маша снова посмотрела на фигурку. Та лежала в контейнере, неподвижная, холодная. Но теперь Маша смотрела на неё не как на загадку, а как на свидетельство. Кто-то, семьдесят лет назад, боялся этой штуки настолько, что пошёл на всё, чтобы спрятать её глубоко во льду. Чтобы никто не нашёл.

«Прости, — тихо прошептала Маша, глядя на контейнер. — Мы нашли».

Генератор снова загудел, чуть громче, будто ответил.

Но Маша больше не пыталась услышать в этом звуке слова. Она открыла ноутбук, начала писать отчёт — сухой, научный, без намёков на мистику. Только факты: дата, глубина, результаты анализа, выводы.

А в самом конце, почти незаметно, добавила строчку: «Объект помещён в герметичный контейнер. Доступ ограничен. Причина: потенциальная опасность».

Нажала «сохранить». Потом «отправить».

Письмо ушло в город, в институт, к людям, которые привыкли верить только цифрам.

И в этот момент Маша вдруг поняла: она хочет, чтобы эти цифры оказались ошибкой. Чтобы кожа была древней, чтобы фигурка лежала здесь тысячу лет, чтобы всё это было просто странной находкой.

Потому что вариант «её спрятали в 1950-х, потому что она опасна» ей нравился гораздо меньше.

Она посидела ещё минуту, глядя на пустой экран. Потом встала, подошла к контейнеру, проверила защёлки. Всё на месте. Всё крепко.

— Ты посиди тут, — сказала она фигурке, почти шёпотом. — Пока мы не разберёмся. И вышла из лаборатории, плотно закрыв за собой дверь.

Глава 4. Сон

Маша не собиралась засыпать прямо в лаборатории — просто хотела ещё раз глянуть на графики, сверить пару цифр, убедиться, что в отчёте нет ошибки. Но кресло было старым, мягким, с продавленным сиденьем, которое будто обхватывало и шептало: «Ну посиди ещё пять минут». Пять минут растянулись на час, а потом — на темноту.

Ей снился Марк. Не такой, каким он был дома, в их маленькой квартире с видом на промзону, где по утрам пахло свежим хлебом из пекарни на первом этаже. Не такой, каким она помнила его в последний день — в тёплой куртке, с шарфом, намотанным в три оборота, и смешком: «Я вернусь через неделю, не успеешь соскучиться».

Во сне он стоял по пояс в чёрной воде. Не в реке, не в озере — в чём-то без берегов, без отражения. Вода была неподвижной, как стекло, но живой, будто дышала. Марк смотрел на Машу, не моргая. И молчал. Так долго, что тишина стала громче любого крика.

А потом он сказал — ровно, без интонации, будто слова ему не принадлежали:
— Ты его выпустила. Зачем ты его выпустила?

Маша хотела ответить: «Я не знала. Я просто хотела понять». Хотела сказать, что это наука, что она гляциолог, а не заклинатель, что она не хотела ничего пробуждать. Но язык не слушался. Она только смотрела, как вода медленно поднимается, скрывая Марка по грудь, по шею, пока над поверхностью не осталась только его рука — вытянутая, застывшая, будто он всё ещё пытался её удержать.

И тут она проснулась.

Резко, будто кто-то дёрнул за плечо. В лаборатории было темно, только тусклый свет дежурной лампы рисовал на столе жёлтое пятно. Маша моргнула, пытаясь стряхнуть остатки сна, и первым делом потянулась к кружке — там давно остыл чай, на стенках остался коричневый налёт. Она поморщилась, поставила кружку обратно.

Взгляд сам собой скользнул к контейнеру. Тот стоял на столе, крышка была защёлкнута, всё как надо. Но... что-то было не так.

Маша встала, подошла ближе. Наклонилась.

На столе лежала не фигурка в контейнере. Фигурка была снаружи. Прямо на столешнице, на куске чистой ткани, будто её аккуратно вынули и положили.

— Костя? — тихо позвала Маша, хотя знала, что он сейчас в жилом блоке, смотрит какой-нибудь старый фильм и хрустит сухариками — у него была привычка смотреть кино и грызть что-нибудь сухое, «чтобы не засыпать».

Тишина. Только генератор гудел, привычно и равнодушно.

Маша наклонилась ещё ниже. На лице фигурки, от лба до подбородка, шла тонкая, как волос, трещина. Ровная, будто проведённая лезвием. Маша достала лупу из ящика, поднесла к трещине.

И тогда увидела: внутри шевелилось что-то тёмное. Не просто тень, не игра света. Что-то живое, крошечное, извивающееся. Будто под камнем прятался червячок, только этот червячок был не из плоти. Он был... другим.

Маша резко отпрянула, но тут же заставила себя вернуться. Взяла фигурку — та была ледяной, холод пробирался сквозь перчатки, будто хотел добраться до кожи. Положила обратно в контейнер, закрутила крышку до упора, пока не щёлкнуло. Три раза проверила — плотно ли, нет ли щелей.

Потом села на стул, обхватила себя руками, будто могла так удержать себя от паники.

«Это сон, — твердила она себе. — Ты уснула, тебе приснилось, а когда проснулась — показалось, что фигурка лежала не там. Ты сама её вынула, чтобы рассмотреть, и не помнишь. Усталость. Перегруз».

Но трещина была настоящей. И шевеление внутри — тоже.

Маша посидела ещё минуту, потом встала, взяла маркер и написала на контейнере крупными буквами: «НЕ ОТКРЫВАТЬ. ОПАСНО». Приклеила листок скотчем, будто эта надпись могла удержать то, что пряталось внутри.

— Ладно, — прошептала она. — До утра. Утром Костя всё увидит, мы вместе подумаем, что делать. Может, это просто дефект камня. Может, внутри какой-то минерал, который расширяется при перепаде температур.

Она выключила лампу, оставив только дежурный свет, и вышла в коридор. Дверь закрыла на защёлку — старую, скрипучую, но надёжную.

— Спокойной ночи, — сказала она двери, будто та могла её услышать. — Пусть ничего не случится.

В жилом блоке было тепло, пахло чем-то домашним — Костя, видимо, разогревал суп в микроволновке. Маша заглянула: он сидел на диване, в носках, с миской на коленях, смотрел на экран, где мелькали кадры чёрно-белого кино.

— Ты чего? — спросил он, не отрываясь от экрана. — Не спится?

— Да так, — Маша пожала плечами. — Просто... показалось что-то.

Костя посмотрел на неё внимательно, прищурился.

— Что показалось?

— Ничего, — быстро сказала Маша. — Просто устала. Пойду лягу.

Он кивнул, но взгляд не отпустил.

— Если ночью опять будешь ходить — кричи. Я услышу. Или если просто... не спится. Можем про творог поговорить. Или про рыбалку. Или вообще ни про что.

Маша улыбнулась — слабо, но искренне.

— Спасибо, — сказала она. — Но я просто посплю.

Она ушла в свою комнату, легла, натянула одеяло до подбородка. Уснула почти сразу — от усталости, от напряжения, от того, что мозг наконец сдался и выключился.

Утром её разбудил Костя — не стуком, а запахом. Он принёс кружку горячего кофе и булочку с корицей, которую, видимо, пёк сам: она была чуть кривоватой, но пахла так, что хотелось забыть про все страхи и просто есть.

— Держи, — сказал он, ставя всё на тумбочку. — Ты вчера какая-то... странная была.

Маша села, потянулась, зевнула.

— Прости, — сказала она. — Просто сон плохой приснился.

— Про Марка? — спокойно спросил Костя. Он не делал вид, что не понимает, о чём речь. Просто принимал это как факт.

Маша кивнула.

— Он стоял в чёрной воде и спрашивал, зачем я его выпустила.

Костя помолчал, потом сказал:

— Это просто мозг. Он берёт твои страхи и делает из них кино. Ты устала, ты переживаешь, ты... ну, ты нашла странную штуку. Естественно, что тебе снятся странные вещи.

Маша вздохнула, взяла кофе, сделала глоток. Горячий, крепкий, с той самой щепоткой корицы. Стало чуть легче.

— Пойдём, — сказала она, вставая. — Надо проверить контейнер. Я вчера... немного нервничала.

Они пошли в лабораторию. Маша шла чуть впереди, будто хотела первой увидеть, что всё в порядке.

Контейнер стоял на столе. Но крышка была треснута — не просто поцарапана, а именно треснута, будто изнутри на неё сильно надавили. Пластик пошёл паутиной мелких трещин, а в центре была дыра размером с монету.

Фигурка лежала на столе — снаружи. Трещина на её лице стала шире. Теперь она выглядела как шрам — грубый, неровный, будто камень пытался плакать.

Маша замерла на пороге. Костя тихо выругался — не зло, а от неожиданности, как человек, который увидел, что его любимый чайник треснул пополам.

— Я её закрыла, — прошептала Маша. — Я проверяла. Три раза.

Костя подошёл ближе, но не трогал. Только смотрел.

— Может, давление? — предположил он. — Перепад температур?

— В контейнере? — Маша покачала головой. — Там герметично. Там не должно быть перепадов.

Костя ничего не ответил. Просто стоял и смотрел на фигурку, будто ждал, что она сейчас моргнёт.

А Маша вдруг вспомнила сон. Слова Марка: «Ты его выпустила». И поняла, что это уже не просто сон. Это было предупреждение. Или воспоминание о чём-то, что она не могла помнить.

— Надо убрать её, — сказала Маша, голос чуть дрожал, но она старалась говорить твёрдо. — Куда-то, где крепче. Где не треснет пластик.

Костя кивнул.

— У меня есть старый сейф, — сказал он. — Ещё с тех времён, когда тут хранили образцы взрывчатки. Тяжёлый, железный. Если туда положить — никакая трещина не поможет.

Маша посмотрела на него.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что не говоришь «это ерунда» и не смеёшься.

Костя усмехнулся, но в глазах не было веселья.

— Смеёшься над таким — потом сам не заснёшь, — сказал он. — Давай её упакуем. Только... аккуратно.

Они взяли чистые перчатки, ткань, чтобы не поцарапать фигурку (хотя казалось, что царапать её уже поздно). Маша завернула её, Костя взял и понёс к сейфу. Замок щёлкнул, тяжело, уверенно, как будто говорил: «Теперь ты в безопасности».

— Готово, — сказал Костя, вытирая руки. — Пусть посидит. А мы пока... ну, про творог поговорим. Или про что угодно. Только не про это.

Маша улыбнулась, но улыбка была усталой.

— Давай про рыбалку, — сказала она. — Расскажи, как ты в детстве рыбу ловил. Что-нибудь простое. Что-нибудь, где нет трещин и снов.

Костя задумался, будто вспоминал.

— Однажды я поймал шуку, — начал он. — Она была почти с меня ростом. Я тогда думал, что это чудовище из озера. А дед сказал: «Не чудовище, а просто рыба. Ей тоже жить хочется».

Маша слушала, кивала, пила кофе. И на минуту ей показалось, что всё снова нормально. Что они просто двое учёных на станции, что за окном снег, а внутри — тепло и пахнет корицей.

Но где-то в глубине, за железной дверцей сейфа, фигурка лежала неподвижно.

Глава 5. Раскол

Костя вошёл в лабораторию, как обычно — шумно, будто хотел разогнать тишину, которая тут скапливалась, как иней по углам. Он нёс под мышкой стопку распечаток, а в зубах — карандаш.

— Тут по сейсмике... — начал он и вдруг замер на полшаге. Карандаш выпал и покатился по полу, глухо стуча по доскам.

Маша подняла голову от ноутбука. На столе перед ней стояла фигурка — не в сейфе, а прямо тут, под лампой. После вчерашнего Костя сказал: «Пусть лежит в сейфе», но утром сейф оказался чуть приоткрыт — не взломан, не выбит, а будто кто-то просто забыл защёлкнуть. Маша хотела сразу вернуть фигурку, но сначала решила сделать ещё пару снимков при дневном свете.

— Костя? — позвала она. — Ты чего?

Он не ответил. Просто смотрел на фигурку. Лицо у него стало бледным, как у человека, который увидел призрак — не страшный, а невыносимо знакомый.

Потом он выдохнул, будто из него разом вышел весь воздух.

— Я знаю, что это, — тихо сказал он. Голос был чужим, не его обычным, грубовато-бодрым. — Мой дед рассказывал. Каменный меняла. Его вмёрзли в землю наши предки — ханты, манси, кто-то из местных. Он исполняет желания, но берёт за это душу. Деда учили: если найдёшь — не трогай, засыпь землёй, уйди.

Маша нахмурилась. Она привыкла к местным легендам — они тут были как прогноз погоды: кто-то верил, кто-то нет, но все знали. Но сейчас в голосе Кости не было байки. В нём был страх.

— Костя, — мягко сказала она. — Это артефакт. Может, ритуальный. Но не... не живое зло.

Костя резко поднял глаза.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Дед не сказки рассказывал. Он видел, как один мужик в посёлке шептал что-то над такой же штукой. Через три дня у мужика сын пропал. Не убежал, не утонул — просто исчез. Дверь была закрыта изнутри, окна закрыты, а мальчика не было. И мужик потом сам в тайгу ушёл. Нашли только сапоги.

Маша встала, подошла к нему, положила руку на плечо. Плечо было твёрдым, напряжённым, как натянутая струна.

— Костя, — повторила она. — Мы учёные. Мы не можем принимать легенды как протокол. Давай я отправлю фото в этнографический отдел. Пусть скажут, что это за тип фигурки, есть ли аналоги.

Костя посмотрел на неё, будто пытался найти в её лице хоть каплю того же страха, что чувствовал сам. Не нашёл. И тогда опустил плечи — не расслабился, а просто сдался на время.

— Ладно, — буркнул он. — Только... убери её обратно. В сейф. Прямо сейчас.

Маша кивнула. Взяла чистую ткань, аккуратно завернула фигурку. Та была ледяной, как всегда, но сегодня холод казался злым — не просто морозным, а будто хотел проникнуть внутрь.

— Готово, — сказала Маша, щёлкнув замком сейфа. — Пусть посидит. А мы пойдём пить чай. Я даже заварю тот, что ты терпеть не можешь — с чабрецом.

Костя слабо усмехнулся.

— С чабрецом — это жестоко, — пробормотал он. — Но ладно. Хоть поболтаем про что-то нормальное. Про рыбу. Про снег. Про то, какой генератор опять гудит, будто поёт романсы.

Они вышли из лаборатории, закрыли дверь. Костя ещё раз оглянулся на сейф, будто хотел убедиться, что тот действительно стоит на месте.

— Вечером я его на цепь посажу, — сказал он уже в коридоре. — Или приварю. Шучу. Наверное.

Маша рассмеялась — коротко, чтобы смех не прозвучал как насмешка.

— Не надо приваривать, — сказала она. — Просто посидим. Поедим ту сгущёнку, которую ты прячешь.

Костя фыркнул.

— Кто прячет? Я её берегу. Это стратегический запас.

В жилом блоке было тепло, пахло хлебом и чем-то уютным, старым — как в доме у бабушки, где всегда было слишком много вещей и слишком мало места, но зато было спокойно. Они сели за стол, Костя достал банку сгущёнки, ложку, две кружки. Разлил чай — обычный, чёрный, без чабреца, к облегчению Маши.

Говорили про пустяки. Про то, как в детстве Костя провалился под лёд и его вытаскивал дед. Про то, как Маша в университете забыла сдать курсовую и пришла к преподавателю с пирожками, и он всё равно поставил тройку, но пирожки съел. Про снег, который в этом году какой-то особенно упрямый — ложится и не хочет таять.

К вечеру Костя немного оттаял. Даже пошутил:

— Знаешь, если эта штука действительно исполняет желания, я бы загадал, чтобы генератор перестал гудеть по ночам.

Маша улыбнулась.

— А я — чтобы Саша прислал мне рисунок. Он рисует каждый день, а доходит раз в неделю.

Костя кивнул.

— Пусть дойдёт, — серьёзно сказал он. — Пусть всё доходит.

Когда стемнело, Костя ушёл проверять оборудование. Маша осталась в лаборатории — хотела дописать отчёт, вставить пару графиков. Она старалась не смотреть на сейф. Но взгляд всё равно туда сползал, как будто сейф притягивал его магнитом.

Тишина в лаборатории была плотной, почти осязаемой. Только изредка щёлкал радиатор, да где-то капала вода — кап-кап, медленно, ритмично, как отсчёт.

Маша посмотрела на часы. Почти полночь. Она зевнула, потянулась. Решила: ещё десять минут — и спать.

И тут услышала звук. Тихий. Не щелчок, не треск — а будто что-то мокрое коснулось стола.

Она подняла голову.

Сейф стоял на месте. Дверь была закрыта. Но на столе, прямо под лампой, лежала фигурка.

Нет. Не фигурка. Осколки.

Зеленоватосерая крошка, мелкие обломки, будто камень рассыпался от старости. А между ними — мокрое пятно. Тёмное, вязкое. Оно медленно растекалось по дереву, как пролитые чернила.

И запах. Земля. Мокрые листья. Гнилые грибы. Запах, который бывает после дождя в старом лесу, когда под корнями что-то давно умерло и теперь разлагается.

Маша замерла. Не могла пошевелиться.

А потом увидела тень. В углу, у стены, где свет лампы почти не доставал. Маленькая. Сгорбленная. Двигалась — не шагала, а как будто перекаtywалась, скользила по полу.

Сердце у Маши забилося так громко, что, казалось, заглушало все остальные звуки.

Тень замерла. Повернула голову — или то, что было вместо головы. Маша не могла разглядеть лица. Только очертания: маленькое, скрюченное, с длинными пальцами, которые цеплялись за пол, будто искали опору.

Секунда. Две.

Тень скользнула к двери, просочилась в щель, как дым.

Лаборатория снова стала обычной. Холодной, тихой, пустой.

Только на столе — осколки. И мокрое пятно, которое медленно впитывалось в дерево.

Маша наконец смогла пошевелиться. Она встала, шагнула к столу, но тут же остановилась. Не потому что боялась прикоснуться — потому что не хотела подтверждать, что это реально.

«Это сон, — подумала она. — Опять сон. Я уснула за столом, и мне снится этот кошмар».

Но запах был настоящим. И холод, который шёл от стола, был настоящим.

Она достала телефон, набрала Костю. Гудки. Один. Второй. Третий.

— Алло, — голос у Кости был сонный, но сразу стал резким. — Маша? Что?

— Костя, — прошептала она, и голос дрогнул. — Сейф закрыт. Но фигурка... она рассыпалась. На столе осколки. И... тут была тень. Маленькая. Она ушла.

На том конце провода тишина. Потом тяжёлый выдох.

— Сиди там, — сказал Костя. — Не трогай ничего. Я иду.

Через пять минут он влетел в лабораторию — в куртке нараспашку, в ботинках, шнурки развязаны. Глаза у него были дикие, как у человека, который только что увидел, что его дом горит.

Он остановился, посмотрел на стол. На осколки. На мокрое пятно.

— Чёрт, — прошептал он. — Чёрт.

Подожёл ближе, но не трогал. Только смотрел, будто надеялся, что осколки сами сложатся обратно.

— Надо убрать, — сказал он, уже другим голосом — рабочим, собранным. — Всё собрать. В герметичные пакеты. И пометить: «Опасно».

Маша кивнула, хотя руки всё ещё дрожали.

— И... тень, — тихо сказала она. — Она была настоящей.

Костя помолчал. Потом посмотрел на угол, где Маша видела тень.

— Да, — спокойно сказал он. — Была. И, возможно, вернётся.

Он достал из кармана перчатки, протянул Маше.

— Надевай, — сказал. — И давай работать. Пока мы работаем — мы не боимся.

Маша надела перчатки. Взяла маленький совочек, который они использовали для сбора пыли с кернов. Аккуратно сгребла осколки в пакет. Каждый кусочек казался тяжёлым, будто нес в себе больше, чем весил.

Костя взял тряпку, промокнул мокрое пятно. Запах стал сильнее — земля, грибы, что-то старое и мёртвое. Он тоже положил тряпку в отдельный пакет, запечатал.

— Завтра отправим, — сказал он. — В институт. Пусть разбираются.

Маша посмотрела на него.

— А если они не поверят?

Костя усмехнулся, но в улыбке не было веселья.

— Тогда мы покажем им фото. А если не поверят и по фото — значит, мы вдвоём сошли с ума. Но это хотя бы будет вдвоём.

Они посидели ещё немного, пока не начало светать. За окном небо стало серым, потом бледнорозовым. Снег заблестел, как будто ничего не случилось.

— Пойдём, — сказал Костя. — Поедим. У меня ещё есть та булочка с корицей. И ступенька.

Маша кивнула. Встала. Посмотрела на сейф — он стоял, тяжёлый, надёжный, но теперь казался просто куском железа.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Костя пожал плечами.

— Не за что. Мы команда. А команда не даёт друг другу смотреть на тени в одиночку.

Они вышли, закрыли лабораторию. И хотя за спиной у них оставалось что-то, что не хотело лежать спокойно, в этот момент им было чуть легче — потому что они были не одни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.